

Русский язык приспособился к специфике информационных цифровых технологий и начал диктовать условия обращения с ним в Интернете

Фотограф: Любовь Зборовская

Распространение интернет-технологий не только повлекло информационный взрыв, но и снизило значимость публикуемой информации, создало возможность производить лживые информационные сообщения, так называемые фейк-ньюс. Языковые средства все чаще используются для подавления или унижения оппонента, вербального нападения на потенци-

ального противника. Лингвистический экстремизм (включая и так называемый кибербуллинг) стал новым вызовом для онлайн- и офлайн-сообщества. Поэтому в последние годы активно развиваются и совершенствуются уголовно-правовые и административно-правовые нормы информационной безопасности. Однако справедливое применение этих норм зачастую требует кропотливой работы экспертов-лингвистов.

О некоторых особенностях проведения экспертных работ по анализу текстов и гипертекстов, о лингвокультурной ситуации в современном российском обществе и о сложностях рассмотрения дел с привлечением лингвистов-экспертов читателям журнала рассказывает доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН и председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) **Михаил Викторович Горбаневский**. В феврале 2021 года гильдии исполнится 20 лет.

Михаил Викторович, развитие Всемирной сети показывает, что в интернет-пространстве меняется не только манера общения или стилистика изложения текстов, но даже сам русский язык. Так ли это?

Безусловно, это так. Русский язык приспособился к специфике информационных цифровых технологий и сетевой коммуникации, а также к требованиям онлайн-аудитории и, в свою очередь, начал диктовать условия обращения с ним в Интернете. Например, эффективность цифровизации в значительной степени зависит от уровня владения языком и стилем, свойственным для сетевого медиастранства.

Функционирование русского языка в Сети сопряжено с психолингвистическими особенностями участников онлайн-коммуникации, которые переносят на свои виртуальные тексты личностную манеру спонтанного устного общения. В Интернете формируется целостная языковая личность как многокомпонентная система, организованная с учетом сфер, тем и ситуаций, в рамках которых происходит общение.

Сейчас мы наблюдаем активную перестройку характера межличностной коммуникации, а также самого механизма формирования информационного поля. Разграничение между источником и адресатом информации, которое существовало веками, сегодня постепенно стирается. Особенно это заметно в социальных сетях, где появляются новые, ранее неизвестные виды текстов и лингвистические явления.

А эксперты-лингвисты успевают разрабатывать адекватные происходящим изменениям лингвистические методики?

Приведу пример. Особенность курса социальных сетей такова, что адресант информации публикует либо свое мнение / мнение-оценку, либо лишенный оценочной модальности информирующий пост о социально-политическом, экономическом, правовом явлении, событии; о людях, вещах и т.д. С коммуникативной точки зрения адресантом чаще всего является автор текста. Однако в некоторых случаях автор и адресант могут не совпадать в одном лице, поэтому автором

в экспертологии условно принято считать человека, который создал поликодовую композицию, т.е. сообщение, содержащее кроме языкового неязыковой, или экстралингвистический, компонент — смайлы и гиперссылки, скриншоты страниц иных ресурсов, видеофайлы. Сюда же можно отнести кнопку «Мне нравится» и количество лайков, кнопку «Сделать репост» и количество репостов, комментарии иных пользователей, хештеги... Пользователь может не быть автором противоправного текста, но иллокутивная сила, т.е. коммуникативная направленность, публикации может быть порождена именно им.

К сожалению, значительная часть экспертов и специалистов (особенно негосударственных учреждений) не владеет должными навыками анализа новых интернет-жанров.

То есть обычный текст в Интернете превращается в нечто большее?

Да, благодаря современным сетевым жанрам уже полностью реализовалась такая языковая новация, которую В.Л. Эпштейн назвал гипертекстом, новой парадигмой информатики. Гипертекст обеспечивает нелинейную организацию содержания со стороны продуцента и возможность нелинейного восприятия со стороны реципиента. Кроме того, исследователи отмечают высокую когерентность и обязательное наличие эксплицитных связей между отдельными частями текста. Например, может возникнуть эффект снежного кома, если основная тема по ходу обсуждения обрстет большим количеством деталей и в какой-то момент распадется на множество подтем, которые могут утратить связь с изначальной. Или может произойти сужение тематического фокуса, если при обсуждении какой-либо широкой общественно значимой темы один из участников бросит провокационную реплику по какой-то очень узкой теме и вся группа начнет с ним спорить, забыв о первоначальной цели обсуждения. Именно поэтому в Теоретических и методических основах судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму, утвержденных Минюстом России в 2011 году, установлено, что «если исследованию подлежит текст, опубликованный в сети Интернет, экспертам

должно быть предоставлено изображение соответствующей страницы (страниц) с указанием момента фиксации... От коммуникативной ситуации во многом зависит спонтанность текста, эмоциональное состояние автора. В коммуникативной ситуации регулярно эксплицируется цель общения. Если в деле имеются какие-либо факты, позволяющие уточнить коммуникативную ситуацию, то оценка их с точки зрения влияния на текст обязательна и для лингвиста, и для психолога».

Что изменилось в исследовании текстов с появлением гиперссылок?

Гиперссылка – опция для читателя. Переходить по ней необязательно. Но если он все-таки решит перейти, то получит два разных текста вместо одного. И разница между этими текстами и их коммуникативной направленностью может оказаться чрезвычайно чувствительной и даже иметь решающее значение для судебного разбирательства.

В практике был такой случай. Сетевое СМИ опубликовало статью, в которой содержалась фраза: «И вот компания X через «подставные» фирмы просто «отбирает» акции ОАО YYY у миноритариев».

Компании X это высказывание, конечно, не понравилось, и она пошла в суд защищать свою деловую репутацию. Соответственно, возник вопрос: имело ли место негативное утверждение о фактах в отношении компании X?

Будь текст статьи напечатан на бумаге, ответ эксперта-лингвиста был бы очевиден. Но статья размещена в Интернете, а к слову «отбирает» привязана гиперссылка на другую публикацию, где предельно подробно рассказано о вполне законном, пусть и принудительном, выкупе у миноритариев УУУ акций. Выкуп производился третьей компанией, но затем акции действительно оказались у X. Автор этой не оспариваемой публикации долго и тщательно анализировал различные события, сопоставлял разные факты и в конце концов заключил, что изложенные им сведения свидетельствуют о том, что акции у миноритариев были отобраны компанией X. При такой структуре текста суждение типа «компания X «отобрала» акции у миноритариев» оказывается субъективным авторским выводом – мнением, основанным на детально

перечисленных фактах, которые никто не оспаривает и не собирается оспаривать.

Но вернемся к исходному тексту, в отношении которого был заявлен иск и в составе которого присутствовало слово «отбирает». И здесь нам остается лишь констатировать, что читателю предложено два способа его прочтения и интерпретации. Если не проходить по гиперссылке, то спорное высказывание имеет форму утверждения о фактах, а если перейти – форму мнения.

Игнорировать наличие гиперссылки нельзя. Но нельзя и не учитывать потенциальный отказ читателя от опции перехода по ней. Как быть?

На такой случай есть здравая рекомендация, данная в Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму, изданной в 2014 году в РФЦСЭ при Минюсте. Там прямо говорится: «При наличии относящихся к тексту ссылок, комментариев и т.п. их содержание также должно быть зафиксировано соответствующим образом. При исследовании сайта экспертам должна быть предоставлена отображаемая на определенный момент времени страница (страницы) сайта с текстом и изображениями либо электронная копия содержимого веб-сайта на определенный момент времени с сохраненной внутренней структурой. Учитывая изменчивость электронных объектов, таких как сайт, твиттер, блог и др., электронных ресурсов и сервисов, содержащиеся на них письменные доказательства должны быть зафиксированы с помощью специалиста в области компьютерных или интернет-технологий и предоставлены экспертам в электронном виде».

Значит, рассматривать высказывания, диалоги и публикации вне контекста нельзя?

Совершенно верно, любое словоупотребление должно рассматриваться в том контексте и в той коммуникативной ситуации, в которых оно было реализовано.

Одно и то же выражение, произнесенное с одной и той же интонацией, в одной ситуации будет оскорбительным, а в другой – нет. Хотя может быть воспринято как обидное в обеих.

В связи с этим вспоминается одно уголовное дело. Поздним вечером сотрудники ГИБДД задержали на загородном шоссе пешехода. Молодой человек был в подпитии и не мог идти ровно по обочине, не заступая на проезжую часть. Его задержали и повезли в участок, а пока ехали, он пригрелся в машине и задремал. Проснувшись, он обнаружил, что его задержали гаишники и спрашивают у него документы. «Раз гайцы, — решил он, — значит, я был за рулем».

Порылся в карманах, но водительского удостоверения не нашел. «Нет, — говорит, — документов». Хотя нужен был только паспорт, который он уже показывал. Полицейскому стало смешно, причем настолько, что он начал снимать разговор на видео и по второму, третьему и так далее кругу спрашивать у задержанного документы. На двадцать первый раз парень не выдержал и послал непонятливо, с его точки зрения, блюстителя порядка на три буквы.

Из этого родилось уголовное дело по статье 319 Уголовного кодекса Российской Федерации — «Оскорбление представителя власти». Потерпевшего вполне можно понять: любой может обидеться, если его послали в известном направлении. А в общеупотребительном значении слово «оскорбление» есть просто синоним слова «обида», это в любом толковом словаре зафиксировано. Так что человек, который обиделся, на правах носителя современного русского языка имеет все основания сказать, что его оскорбили.

Однако посыл, о котором идет речь, способен выполнять множество разных коммуникативных функций, и далеко не во всех контекстах он выражает резко негативную обобщенную оценку личности адресата. Между тем в делах об оскорблении наличие такой оценки — один из двух важнейших, наряду с неприличной формой, лингвистических признаков наказуемого деяния. Неприличная форма в данном случае налицо, а негативной оценки личности не наблюдается. Негативно оценивалось только поведение собеседника, который в двадцать первый раз предъявил требование, в удовлетворении которого ему только что было двадцать раз вежливо отказано. Коммуникативное намерение очередного отказа (теперь уже действительно грубого), присущее рассматриваемому послы в

этой ситуации, существенно отличается от намерения унижить. Нагрубить — не значит оскорбить.

К счастью, дело кончилось-таки оправдательным приговором. Вернее, двумя оправдательными, поскольку первый из них прокуратура настолько не поняла, что добивалась его отмены в апелляционной инстанции. И это непонимание было вызвано прежде всего неумением или нежеланием стороны обвинения учесть контекст неприлично-го выражения.

Уголовные и административные нормы об оскорблении вызывают в обществе не меньшее осуждение, чем фейковые новости. Что же это такое — оскорбительная лексика?

Особенности интернет-языка, особенно новых его жанров, в значительной степени обусловлены анонимностью (или кажущейся анонимностью) и высоким темпом общения. И первая, и второй являются косвенными причинами излишней экспрессии и даже агрессивности языка сетей, что сближает его с разговорной речью, для которой характерны повышенная эмоциональность и неполнота, т.е. стремление к краткости, к экономии речевых усилий. Повышенная экспрессивность зачастую вызывает у адресатов чувство раздражения и даже оскорбленности.

Поэтому экспертам, которые анализируют спорный текст оскорбительной направленности, крайне важно обращать внимание на субъективную сторону статей об оскорблении, сформулированную законодателем: и статья 5.61 КоАП «Оскорбление», и уже упомянутая статья 319 УК «Оскорбление представителя власти», и другие нормы уголовного законодательства, например статьи 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и 336 «Оскорбление военнослужащего», содержат в своем составе указание не только на объективную (использование в отношении лица оскорбительной лексики или оскорбительных неречевых действий), но и на субъективную сторону преступления, которая характеризуется умышленной виной, прямым умыслом. К сожалению, ни в одной из этих статей законодателем не представлена чёткая и детализированная

дефиниция понятия «Неприличная форма»... В лингвоэкспертологии известно, что умысел — это одна из форм вины, которая выражается в сознательном отношении лица к своим действиям («знаю, что причиняю тебе (психологическую) травму, ущерб»). Однако квалификация умышленности/неумышленности действий с помощью лингвистических методов в большинстве случаев невозможна, поскольку, как пишет К.И. Бринев, «факты иллокутивного порядка... напрямую не отражают ментального состояния говорящего».

Объективная сторона правонарушения, связанного с использованием оскорбительных речевых и неречевых действий, довольно широко обсуждается, причем высказываются абсолютно разные позиции. Ряд авторов полагают, что объективная сторона дела состоит в анализе двух равнозначных понятий «унижение» и «неприличная форма выражения», и сосредотачиваются на анализе диагностического комплекса «унижение», включая в состав неприличной лексики слова со словарными стилистическими пометами «неценз.», «обсц.», «неприл.», «вульг.», «вульг.-прост.», которые в прямом значении относятся к сексуальной или экскреторной лексике. Часть лингвистов, напротив, считают, что в состав оскорбительной лексики должны входить только матизмы, которые находятся под полным запретом в сфере публичного употребления. В русском языке на сегодняшний день есть пять нецензурных слов, на базе которых образовано огромное количество слов и словосочетаний. При этом подчеркну, что сниженная, вульгарная и бранная лексика не относится к неприличной.

В общем, неопределенный объем так называемой оскорбительной лексики, а также плюралистичность подходов к стилистической характеристике слов со сниженной семантикой в словарях современного русского языка приводят к существенным разногласиям экспертов в ходе проведения судебных исследований. Это стало особенно заметным в последнее десятилетие, так как словарная работа традиционно отстает от узусного употребления того или иного слова и стилистический маркер словаря, изданного, скажем, в 1999 году, может быть неактуален применительно к современному высказыванию. Для уточнения современного (контекстуального) значения и стилисти-

ческой маркированности эксперты, помимо словарей, обращаются к материалам Национального корпуса русского языка.

В современной экспертной практике могут возникать сложные, неоднозначные ситуации, особенно если речь идет об анализе текстов в диспозиции статьи 319 УК РФ, в рамках которой любое критическое высказывание, включающее в себя негативно-оценочную лексику, рассматривается как оскорбительное. Аналогичны проблемы, касающиеся лингвистической экспертизы текстов в диспозиции статьи 148 УК РФ: нарушение права на свободу совести и вероисповеданий связано с оскорблением религиозных чувств. Но что такое «религиозное чувство» — вера, эмоция, ощущение или состояние? Использование законодателем формы множественного числа исключает понимание религиозного чувства как веры, но расширяет спектр значений, связанных с ощущениями и эмоциями.

А что Вы можете сказать о фейковой информации? Как понять, что опубликованный текст — фейковый?

Отвечая на этот вопрос, немного похвастаюсь. Кажется, мы в ГЛЭДИС уже смогли разработать методический подход, применимый как в экспертизах по делам об административных правонарушениях, предусмотренных недавно принятой частью 9 ст. 13.15 КоАП РФ об ответственности за распространение фейковой общественно значимой информации под видом достоверной, так и в экспертизах по уголовным делам по статье 207² УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»).

Эти положительные результаты были получены благодаря труду трех лучших экспертов нашей гильдии, членов ее правления: канд. филол. наук И.В. Жаркова (Санкт-Петербург), канд. филол. наук Е.А. Колтуновой (Нижний Новгород) и д-ра филол. наук Г.Н. Трофимовой (Москва).

Во-первых, у нас получилось достаточно подробно и обоснованно сформулировать общую экспертную задачу, стоящую перед экспертами по делам данных категорий, и ряд вытекающих из нее обязательных частных задач.

Во-вторых, мы описали основные составляющие лингвистического и психологического понятийного аппарата, адекватного указанным задачам.

В-третьих, дали специальное однозначное описание понятия «распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений» и соответствующих ему признаков, подлежащих выявлению в спорном тексте.

Нам удалось доказать, и достаточно строго, что в качестве «заведомо ложной общественно значимой информации», распространяемой «под видом достоверных сообщений», и/или «заведомо недостоверной» информации могут рассматриваться лишь сведения, выраженные в форме утверждений о фактах.

Одним из важнейших правовых трендов последнего времени стали лингвистические заключения, связанные с выявлением *заведомо ложной информации*. Если прежде такая категория применялась только в рамках статьи 128¹ УК РФ «Клевета», то сейчас, как я уже сказал, термин «заведомо ложная информация (сообщение, сведения)» используется в диспозиции статьи 207 УК РФ и в части 9 ст. 13.15 КоАП РФ.

Типичные вопросы, которые ставят перед экспертами следствие и суд, сформулированы, как правило, следующим образом: 1) содержат ли высказывания заведомо недостоверную общественно значимую информацию? 2) создает ли данная информация угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу? 3) создает ли данная информация угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи?

Однако ответ на первый вопрос выходит за пределы компетенции экспертов и специалистов-лингвистов, поскольку в соответствии с положениями теории и практики лингвистической экспертизы, а также в силу нормативно-правовых актов, определяющих производство экспертных заключений и заключений специалистов, лингвисты не вправе верифи-

цировать информацию, представленную в спорных высказываниях, т.е. квалифицировать ее на предмет соответствия или несоответствия действительности (иначе говоря, проверять ее достоверность или недостоверность). Это может решать только суд.

30 апреля 2020 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. В этом документе, в частности, установлено, что «заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему». С учетом этого следует заключить, что компетенция лингвистов в данном вопросе ограничивается определением языковой формы *утверждения о фактах*, которое, в отличие от мнений, предположений и оценочных суждений, может быть впоследствии проверено судом на соответствие действительности.

Более того, в компетенцию лингвистов не входит и ответ на вопрос о том, является ли выявленная при лингвистическом анализе негативно-оценочная информация *общественно значимой*, так как общественная значимость не определяется лингвистическими средствами. Всё, что в подобных случаях может определить лингвист, это тематика высказываний и выраженное лингвистическими средствами отношение автора к сообщаемому, а также является ли данная информация *публичной*.

Значительные ограничения касаются и ответов экспертов на другие два вопроса, которые тоже сформулированы так, что выходят за границы компетенции лингвистов. Лингвист может квалифицировать только саму информацию, если имеются лингвистические признаки ее

выражения. Но он не может оценивать последствия распространения той или иной информации для общества в целом, так как это не определяется с помощью специальных знаний лингвиста.

Экспертное сообщество пытается преодолеть объективные методические сложности, связанные с анализом фейковых текстов. Как правило, научно-методическая работа в этом направлении связана с анализом лингвистических признаков речевого акта *недобросовестного сообщения*, а также выявления содержательных (концептуальных, логических), коммуникативно-прагматических и речевых признаков, отличающих такой речевой акт от речевого акта *добросовестного заблуждения*, который также относится к числу актов неполного или искаженного информирования. Например, предпринимаются попытки провести дефиниционный анализ термина «заведомо недостоверная информация под видом достоверных сообщений» с определением его содержания через отвлеченное существительное «сомнения», в том числе определить такую информацию как *вызывающую у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при этом говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности*. Однако словарное значение слова «заведомый» никоим образом не соотносится с понятием «сомнение», так как реализует значение «хорошо известный, заранее известный; несомненный», а «сомнение» в словарях русского языка определяется как «неуверенность в истинности чего-либо, мысль о возможном несоответствии чего-либо действительности». В целом эта сложная научно-методическая работа в рамках экспертологии пока не может считаться завершенной.

А как тогда отличить тексты, выражающие, например, одобрение общественно опасных действий, от тех, в которых автор просто высказал свои соображения о реально существующих социальных проблемах, создающих предпосылки для возникновения и развития террористической идеологии?

Нет никакого сомнения в том, что лингвоправовое использование понятия «оправдание» должно быть чрезвычайно

точно очерчено, хотя бы потому, что за его содержанием стоят судьбы многих людей. Однако в существующих методических пособиях два близких речевых акта (*одобрение* и *оправдание*) дефинируются сходно до степени смешения — так, что эксперты зачастую вынуждены сводить к оправданию любые формы одобрения.

Одно из судебных дел закончилось серьезным приговором, вынесенным за комментарий «Дело говорит», который, на наш взгляд, с очевидностью входит в парадигму одобрения, а не оправдания. В этом высказывании содержится только один компонент оправдания — одобрение сказанного, на что указывают лексемы «дело» (в значении «то, что полезно, важно, существенно») и «говорит». Здесь мы видим простое выражение оценки сказанного по принципу «нравится / не нравится», а не соотношение с нормой («можно/нельзя», «соответствует норме / не соответствует»).

С функциональной точки зрения оправдательное высказывание всегда имеет одну коммуникативную цель — убеждение собеседника, улучшение сложившейся у него оценки объекта речи. Оправдание обычно реализуется в двух формах.

Во-первых, это может быть утверждение о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких-либо действий и взглядов, признаваемых другими (в том числе законом) недопустимыми. Например: «Гитлер был прав, когда...»; «Он был вынужден это сделать...»

Во-вторых, оправдание может быть выражено в положительной оценке лица, оцениваемого остальными негативно: «Гитлер молодец!» И утверждение, и оценка могут быть подкреплены доводами.

Важно обратить внимание на то, что закон включает компонент *оправдание* в составные термины, поэтому отрывать речевой акт оправдания от содержания оправдываемого действия недопустимо.

Поэтому, например, формулировка статьи 205² УК РФ «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» относится к продуктам речевой деятельности (спорному тексту в целом или отдельным

высказываниям в его составе), предположительно выражающим оценочные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых соответствует одному или обоим следующим описаниям:

1) система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов, позитивно оценивается как верная, безошибочная, истинная, соответствующая реальной ситуации, необходимая (такая, какая нужна);

2) отдельные террористические деяния или их совокупность позитивно оцениваются как верные, безошибочные, необходимые (такие, какие нужны) поступки, соответствующие реальной ситуации, аналогичные поступкам, требующимся в будущем.

Для экспертологии актуальной является также квалификация речевого акта призыва в текстах «экстремистской направленности»...

Надо сказать, что это отдельная тема для разговора. В рамках нашего интервью отмечу, что, к сожалению, в экспертологии зачастую ставится знак равенства между сильным императивом (приказ, команда, требование, запрет, распоряжение, призыв) и слабой формой побуждения (мольба, совет, просьба, приглашение, предостережение и др.). Кроме того, в экспертной практике принято выявлять *косвенные и скрытые* призывы.

Важно отметить также, что призыв — это прежде всего активная желательность, выражаемая говорящим и направленная на слушателя. Побудительное высказывание способно передавать только фактивную каузацию (осуществление, порождение чего-либо), когда импульс ее исходит от говорящего и говорящий ожидает от слушателя выполнения каузируемого действия. Но я бы предпочел о судебных исследованиях подобного рода поговорить отдельно.

Всегда ли в суд приходят с реальным конфликтом, требующим лингвистической экспертизы?

К сожалению, на практике встречаются попытки использовать правосудие как

инструмент разрешения споров, которые не лежат в области права.

Например, в одном деле о защите деловой репутации, рассмотренном Приморским районным судом Санкт-Петербурга, спорили два исследователя, работающие в области пожаровзрывобезопасности. Истец опубликовал статью о некоторых особенностях обеспечения режима пожаровзрывобезопасности на объектах с обращением сжиженного углеродного газа (СУГ) и сжиженного природного газа (СПГ). Ответчик опубликовал критический отзыв на эту статью, на что истец обиделся и отправился защищать свою деловую репутацию ученого в районный суд общей юрисдикции. В ходе судебных заседаний оба исследователя, каждый из которых выступал *pro se*, дружно упрашивали суд назначить пожаровзрывотехническую экспертизу, чтобы установить, действительно ли с точки зрения пожаровзрывобезопасности допустима та аналогия свойств СУГ и СПГ, которую проводил в своей работе истец.

К сожалению, суд этой провокации действительно назначил экспертизу, которую так жаждали обе стороны процесса. Но эксперты и экспертное учреждение, исходя из категории судебного спора, разъяснили суду, что в данном случае следует разделять цели судебно-экспертной и научно-исследовательской деятельности, что нельзя подменять институт научного творчества институтом судебной экспертизы, а содержащиеся в спорном тексте высказывания, которые экспертам предлагалось проверить на соответствие действительности, представляют собой выражение мнения и такой проверки не допускают. Если бы они не настояли на необходимости включения в состав комиссии эксперта-лингвиста, то, боюсь, мы бы сейчас имели судебное решение, подлежащее пересмотру по вновь открывшимся обстоятельствам всякий раз, когда в науке будут получены новые данные о свойствах СУГ и СПГ. Или пришлось бы заранее объявлять не соответствующими действительности любые результаты исследований в пожаровзрывотехнической области, которые противоречат вступившему в законную силу судебному решению!

Спасибо большое за интересное интервью!

